

А. Пранда

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

После второй мировой войны в быту и культуре всех социалистических стран Европы произошли коренные изменения. При изучении процесса культурно-бытовых изменений этнографы широко пользуются термином «современность»¹.

Понятие «современность» включает в себя целый комплекс различных факторов экономического, социально-бытового и культурного характера, вызвавших изменения в области быта и культуры и проявлявшихся в различных странах в разных сочетаниях и в разном качестве.

Процесс изменений в развитии народной культуры естествен, хотя он кажется необычайно сложным и многогранным. В конкретных условиях отдельных стран и различных областей внутри них для этого процесса характерно многообразие форм и вариантов.

Трудность изучения этого процесса объясняется рядом причин. Необходимо учитывать в первую очередь тот уровень, на котором находилась в своем естественном прогрессивном развитии народная культура перед началом радикальных изменений. Известно, что традиционная культура в отдельных странах отличалась различной степенью компактности, непрерывности, сохранности, целесообразности общественных функций, которые определяли ее историко-культурную и этническую специфику.

Естественно, что уровень народной культуры в конкретных условиях страны или ее отдельных областей неизбежно отражался на самой основе рассматриваемого нами процесса, прежде всего на его динамичности, широте и глубине, масштабах и интенсивности. Внешне создается впечатление, что там, где народная культура была более архаична, процесс современных изменений под действием одних и тех же факторов протекает быстрее.

С другой стороны, нужно отметить, что основными причинами, решающим образом влияющими на качественные и количественные показатели процесса изменений в различных странах, могут оказаться вовсе не одни и те же комплексы факторов. Это объясняется не только тем, что до сих пор существуют значительные различия в конкретных условиях отдельных стран и областей внутри них, но и экономической политикой отдель-

¹ Из многочисленной литературы, посвященной проблематике изучения современности, укажем лишь на некоторые основные работы: А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии, «Сов. этнография», 1967, № 5; К. В. Чистов. Фольклористика и современность, «Сов. этнография», 1962, № 3; К. Фойтик. Основные проблемы чехословацкой этнографии и фольклористики, «Сов. этнография», 1967, № 4; «La Pologne au VIIe Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques. Essais tirés des recherches contemporaines d'Ethnographie Polonaise», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964; J. Michálek, Niektoré problémy štúdia ľudovej kultúry v súčasnosti, «Slovenský národopis», XV, 1967, s. 489—498; L. Droppová, K problematike národopisného výskumu súčasnosti, «Slovenský národopis», XIV, 1966, s. 594—600; B. Gałęski, Typy uprzemysłowienia, «Studia sociologiczne», 1967, No 4, s. 40.

ных социалистических стран, определяющей качественную и количественную сторону процесса². Благодаря этому процесс изменений культуры отдельных локальных групп и социальных слоев оказывается необычайно многообразным и сложным.

Однако, несмотря на указанные трудности, представляется возможным тем или иным способом уловить специфику процесса и дать ему общее определение.

Преобразования, происходящие в развитии народной культуры в социалистических странах после второй мировой войны, обусловлены в первую очередь общественным строем этих стран, осуществляемой в них индустриализацией и коллективизацией, повышением жизненного и культурного уровня населения, а также тесно связанными с этим миграцией, урбанизацией, влиянием средств массовой информации и т. д.

Этнографическая наука пытается дать оценку не только конкретным формам этих изменений, но и причинам их возникновения. Думается, что выяснение этих причин поможет правильному освещению новой формы, содержания и функции отдельных явлений народной культуры и поискам соответствующих методов их исследования. Раскрытие этих причин дает ту основу, без которой невозможна качественная и количественная оценка новых явлений в этнографическом или ином аспекте изучения.

Понятно, что этнографическое исследование рассматриваемого нами процесса наталкивается на целый ряд специфических трудностей, вызванных не только новизной проблематики, но и различием в толковании некоторых основных этнографических терминов. Встает необходимость определения предмета и границ этнографического изучения, уточнения терминологии, так как содержание многих терминов изменялось не только с течением времени, но и в рамках отдельных наук³.

Сказанное можно проследить как на терминах «быт», «народ», «народная культура», «общество», «общность» и т. д., так и на терминах «структура», «система», «явление», «элемент» и т. п. Каждый из этих терминов понимается по крайней мере в двух разных значениях, т. е. в широком и узком смысле. Например, под термином «быт» в широком смысле подразумевается повседневная жизнь народа с ее унаследованными от прошлого традициями, установившимися отношениями между людьми и отношениями людей к материальным и духовным явлениям; быт формировался в рамках повседневной жизни людей с привычным распорядком общественной, в том числе и производственной, жизни⁴. В узком же смысле под этим термином подразумевается прежде всего потребление конкретных материальных и духовных ценностей⁵, которые ежедневно и определенным образом реализуются людьми в их семейной и общественной жизни. Это потребление обусловлено не только прошлым (традиции и навыки определенной среды), но и настоящим (побуждения экономического и культурного характера и т. д.). Подобные или даже более существенные различия можно было бы проследить в значении терминов «народ», «народная культура», «общество»⁶, «этническая общность»⁷ и т. д.

Мы считаем, что в определении предмета своего исследования этнографическая наука уже вышла из тех рубежей, которые ограничивали

² Имеется в виду разный уровень индустриализации и разная степень коллективизации сельского хозяйства в отдельных социалистических странах.

³ С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, «Сов. этнография», 1967, № 5; В. И. Гусев, Фольклор. История термина и его современные значения, «Сов. этнография», 1966, № 2.

⁴ Л. А. Антохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Быт и его преобразования в период построения социализма, «Сов. этнография», 1965, № 4, стр. 16.

⁵ Там же, стр. 17.

⁶ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 141.

⁷ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2.

ее в середине XIX в.⁸ Но несмотря на то, что в теоретическом смысле вопрос необходимости изучения процесса изменений в принципе ясен, круг проблем и методов исследования современности остается очерченным недостаточно четко⁹.

В этнографической науке последних лет выявилось два различных направления. Первое из них до сих пор продолжает подчеркивать непрерывность в развитии народной культуры и признавать лишь те новобразования, которые непосредственно связаны с традицией и не выходят за пределы классического определения народной культуры.

Сторонники другого направления в гораздо большей степени учитывают то новое, что проникает в структуру народной культуры. Тем самым само содержание понятия народной культуры обогащается ценностями культуры тех социальных и профессиональных групп населения, которые вплоть до конца второй мировой войны изучались недостаточно (например, культуры рабочего класса¹⁰, городского населения¹¹ и т. д.). Обогащается также и методика исследования культуры этих групп и слоев.

В предлагаемой статье делается попытка рассмотреть некоторые основные теоретические аспекты изучения современного состояния народной культуры. Обсуждение этих проблем, вероятно, вызовет дискуссию, которую мы считаем лучшим средством дальнейшей разработки теоретических вопросов этнографического изучения современности.

* * *

К изучению народной культуры этнической общности можно подойти с разных сторон.

1. С точки зрения ее истории выявляется непрерывность процесса изменения и усложнения форм, содержания и функций отдельных явлений народной культуры, процесса перехода от архаичного к современному, процесса изменения структуры народной культуры, проходящего в конкретной общности на конкретной территории в конкретный период. Первоначальная и современная форма структуры народной культуры — это две крайние точки одного и того же процесса развития¹².

2. Изучая закономерности развития структуры народной культуры, можно установить, что одной из них является непрерывная борьба двух противоположных тенденций. С одной стороны, это тенденция к сохранению структуры народной культуры, ее ценностей и взаимосвязи форм, содержания и функций ее отдельных явлений; с другой стороны, это тенденция к изменению этой структуры и приспособлению ее к новым условиям быта и мировоззрения народа, к появлению новых ценностей формы, содержания, функции явлений и т. д.¹³.

3. Что касается факторов развития народной культуры, то речь идет о совокупности таких внешних и внутренних (с точки зрения культуры)

⁸ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 134.

⁹ J. Michálek, Niektoré problémy štúdia..., s. 490.

¹⁰ В. Ю. Крупянская, Skúsenosti z etnografického výskumu ruských robotníkov, «Slovenský národopis», V, 1957, s. 364—376; И. П. Труфанов, О формировании и современном составе рабочих кадров ленинградского завода «Электросила» им. С. М. Кирова, «Сов. этнография», 1965, № 1.

¹¹ Ш. А. Богина, В. Ю. Крупянская, К вопросу об этнографическом изучении города и промышленного поселка. По материалам симпозиума VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, «Сов. этнография», 1965, № 3; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения. Опыт изучения городов средней полосы РСФСР, «Сов. этнография», 1966, № 6.

¹² С. А. Токарев, Die Grenzen der ethnologischen Erforschung der Völker industrieller Länder, «Ethnologia Europea», 1, 1967, S. 30.

¹³ A. Melicherčík, Tradičné a netradičné v ľudovej kultúre, «Slovenský národopis», XIV, 1966, S. 564; В. В. Пименов, О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 6.

стимулов, которые проникают в структуру народной культуры и воздействуют на быт и мировоззрение народа.

Влияние этих факторов нередко бывает настолько сильным, что оно тормозит естественное развитие народной культуры и в известной мере разрушает структуру традиционной культуры.

Появление новой формы, содержания и функции, и даже новых явлений первоначально вызывается внешними факторами, стоящими вне рамок народной культуры, а позднее — факторами внутренними, которые уже вошли в быт и мировоззрение широких слоев населения.

Попытаемся проследить процесс развития народной культуры в свете изучения современности.

Если смотреть на народную культуру с точки зрения ее истории, можно заметить, что ее развитие переживало периоды, которые можно считать периодами спокойного и постепенного развития ценностей и связей отдельных элементов структуры. Но были и периоды, которые отличались особо быстрыми и коренными изменениями. В первом случае преобладающей можно назвать тенденцию к сохранению основной структуры культуры (новые поколения перенимали ее, сохраняя ее старые ценности и связи); во втором случае преобладает тенденция к изменению этой структуры (новые поколения приспосабливали к изменявшимся условиям жизни культурные ценности и связи между формой, содержанием и функцией отдельных явлений).

В каждом конкретном случае обе тенденции действуют одновременно, хотя и не в одинаковой мере. В спокойные периоды развития, во время которых социально-экономические условия и быт народа в целом сохраняются на определенном уровне, отдельные явления, проникающие в структуру, меняют ее форму, содержание, функции и связи медленно и постепенно. В переломные периоды, наоборот, процесс изменений резко ускоряется.

В первом случае накопление мелких, иногда мало заметных изменений идет постепенно и медленно. Исследовать их в структуре культуры бывает возможно только через определенное время, так как чаще всего в поле зрения оказываются вначале лишь локальные или индивидуальные варианты. Новые ценности формы, содержания, функции и новые связи, которыми обогатились отдельные явления и составные части народной культуры, обычно не выходят за рамки прежней ее структуры. Чаще всего эти элементы не кажутся новыми, находящимися вне системы и структуры, их ценность состоит прежде всего в индивидуальном (или локальном) характере их усвоения.

Развитие народной культуры в этом случае идет путем перенимания и использования всех культурных ценностей, накопленных предшествующими поколениями, критического их пересмотра и творческой переработки¹⁴. В этом процессе происходит дифференциация формы, содержания и функций явлений народной культуры. Старые, отмирающие элементы уступают свое место новым, способным к дальнейшему развитию.

Взаимоотношения между этими элементами и явлениями, однако, не являются антагонистическими. Это только количественные, но не качественные отношения¹⁵. В эти периоды речь идет о естественном, постепенном и медленном процессе, в котором старые и новые элементы структуры сосуществуют и нередко взаимодействуют. В структуре культуры данного периода более старые формы содержания и функции

¹⁴ В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 4; И. А. Баллер, Проблема преемственности в развитии культуры, «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 5.

¹⁵ Например: R. Agon, Dix-huit leçons sur la société industrielle, Paris, 1962, p. 77; См. подробнее: С. Ф. Черненко, Проблема общественного прогресса в социологии Раймона Арона, в сб. «Современный капитализм и буржуазная социология», М., 1965, стр. 159—160.

сохраняются чаще всего как исторические предшественники более новых и современных элементов или явлений, иногда в качестве их локальных вариантов.

Качественно отлично развитие народной культуры в те периоды, которые мы называем периодами быстрых и коренных изменений. Их характерной чертой является то, что именно тогда в традиционную структуру народной культуры проникают явления, коренным образом отличающиеся от предыдущих и несовместимые со старой структурой. От предшествующих явлений они отличаются не только количественно, но и качественно. Их проникновение в структуру народной культуры обусловлено целым комплексом факторов, которые выступают в качестве внешних или внутренних импульсов изменений. Внешние факторы находятся вне рамок народной культуры и проявляются в структуре ее через посредство внутренних факторов, в связи с чем их можно назвать первичными. Внутренними факторами мы считаем те, которые под влиянием внешних обстоятельств внедрились в быт (прежде всего в систему занятий и производства), а затем через посредство этих занятий, производства и связанного с ними нового быта нашли отражение в других явлениях, составных частях народной культуры. Поэтому внутренние факторы можно назвать вторичными.

Внешними причинами радикальных изменений народной культуры являются многочисленные факторы экономического, социально-бытового, культурного и просветительного характера. Их влияние на развитие народной культуры может проявляться в двух видах. Часть их влияет непосредственно (в той мере, в какой это возможно) на некоторые составные части народной культуры. Это факторы культурного и просветительного характера, которые влияют прежде всего на область духовной культуры.

С другой стороны, существуют факторы экономического и социально-бытового характера, которые непосредственно не влияют на структуру народной культуры. Они действуют прежде всего на систему занятий народа, меняют основное занятие определенных слоев народа, а лишь позднее проявляются и в изменении тех форм, содержания и функций явлений народной культуры, которые более всего зависят от измененных условий жизни или находятся под их влиянием.

В этой связи нужно отметить, что под влиянием указанных факторов осуществляется не только количественное развитие народной культуры (путем увеличения числа, объема и многообразия отдельных форм, содержания и функций ее явлений), но также и развитие качественное¹⁶, при котором меняется в своей основе большинство ценностей народной культуры и их взаимосвязи.

Внешние и внутренние факторы стимулируют возникновение качественно новых форм народной культуры. Новые элементы в процессе изменений сказываются сразу же, хотя более яркое их проявление начинается тогда, когда влияние указанных факторов на быт и культуру народа становится при долговременном воздействии комплексным. В этом случае не только число, но и прежде всего качество новых элементов обуславливается размером и силой их влияния на социальное и культурное положение носителей исследуемой культуры, а также мерой той активности, которую проявляют данные факторы в развитии ее структуры.

На первый взгляд кажется, что влияние внешних факторов должно было бы быстрее всего сказываться в области материальной культуры и только позднее — в области культуры духовной и социальной. На самом деле это не всегда так даже в том случае, когда материальная сторона быта носителей народной культуры тесно перекликается с их социально-бытовыми условиями и уровнем жизни в целом.

¹⁶ В. В. П и м е н о в, Указ. раб., стр. 6.

История народной культуры дает достаточно примеров, подтверждающих отмеченные выше закономерности ее развития и влияния различных факторов на ее структуру. Развитие культуры определяется, таким образом, преемственностью в развитии форм, содержания и функций явлений народной культуры; постепенным обновлением и изменением путем приспособления к новым условиям жизни; количественным обогащением культуры в период постепенного развития и возникновения новых формы, содержания и функции явлений в период нарушения постепенности развития.

В качестве примера структурных изменений народной культуры в переломные моменты ее истории можно привести возникновение изобразительного искусства в палеолите, возникновение письменности и отделение литературы от устного народного творчества в период перехода от первобытного общества к классовому, отделение ремесла от земледелия и возникновение в связи с этим ремесленных и торговых центров (городов) как нового типа поселений в период раннего рабовладения и феодализма, появление печати и современных способов передачи и хранения массовой информации в новое и новейшее время и т. д.¹⁷

К числу внешних факторов, которые в определенные периоды отражались на быте народа и приводили к нарушению прежней постепенности в развитии культуры, к включению в ее структуру новых ценностей, следует прежде всего отнести революционную смену социально-экономических формаций и изменения в общественно-политическом строе. Большое значение имеют перемещения населения, урбанизация страны в связи с индустриализацией и коллективизацией, использование массовой информации культурно-просветительного характера (печать, радио, кино, телевидение).

В связи с влиянием внешних и внутренних факторов, вызывающих радикальные изменения в структуре народной культуры, хотелось бы высказать некоторые соображения относительно их роли в быту и культуре широких народных масс.

Для развития народной культуры характерно то, что влияние этих факторов, особенно вначале, проявляется по отношению к ее структуре довольно противоречиво.

Причина этому не только в новой форме, содержании и функции явлений, которые вносятся в быт и культуру, но и в количестве и качестве этих ценностей, принуждающих предшествующие ценности народной культуры изменяться и приспособляться к новым условиям жизни в данной стране или ее отдельной области.

Как показывают наблюдения, изменения в структуре культуры, носящие вначале чаще всего характер принципиальных и радикальных перемен, иногда могут утратить такую свою особенность. Это бывает прежде всего тогда, когда долговременное воздействие определенного фактора или комплекса факторов, вызвавших возникновение новых ценностей формы, содержания и функций явлений культуры, приводит к включению их в структуру культуры. Происходит это в тех случаях, когда новые ценности приспособятся или приспособят к себе данную структуру настолько, что не будут выходить за ее рамки, т. е. не будут ощущаться новыми и чужеродными, неструктурными.

Однако в развитии народной культуры возможна и обратная ситуация. Первоначальная структура может поглотить или в какой-то мере адаптировать новые элементы, но в основе своей они могут остаться по-прежнему вне ее структуры как чужеродный элемент вне системы. Так может случиться не только внутри границ распространения культуры данной общности, но прежде всего на границах двух этносов и различных культур. Многие формы, содержание и функции явлений заимствуют

¹⁷ В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 7.

ся определенной общностью, но в начальной стадии интеграции продолжают ощущаться вне структуры и остаются на краю системы данной культуры и ее структуры.

Правда, в этом случае нужно обратить внимание на сложность разбираемого нами процесса и самой переоценки этих ценностей. В действительности развитие идет не так просто, как мы его нарисовали, так как оно зависит от многих конкретных условий жизни данной общности в определенный период и в данном месте, их необходимо учитывать при оценке развития структуры данной народной культуры¹⁸.

При изучении процессов развития с теоретической точки зрения необходимо также принимать во внимание существование временных различий и системных ценностей изучаемых элементов народной культуры. При исследовании предшествующих стадий развития культуры мы оцениваем лишь результаты процесса изменений, а не ход самого процесса, его внутреннюю динамику и противоречивость и даже не внешние и внутренние факторы, его обусловившие.

При изучении же современности, т. е. проходящего в настоящее время процесса изменений, мы видим в первую очередь сам процесс, его противоречивость по отношению к традиционной культуре и многочисленные факторы, которые вызывают и направляют возникновение новых форм, содержания и функций явлений. Несмотря на то, что в прошлом происходили аналогичные процессы (например, процессы иммиграций и эмиграций и т. д.), которые иногда длились в течение веков, но различались во времени и в степени интенсивности, мы склонны оценивать эти процессы статично, т. е. прежде всего с точки зрения их конечного действия на структуру народной культуры, с точки зрения элементов, которые были их результатом, а не динамично, по отдельным хронологическим этапам и конкретному месту действия. Иначе говоря, мы в основном оцениваем элементы развития разновременного уровня и разного структурного качества. Одни из них (исторические) уже укоренились в структуре народной культуры, другие (современные) еще только проникают в нее и находятся в первоначальной противоречивой позиции по отношению к ценности традиционной культуры. Это ведет к тому, что при изучении современного состояния народной культуры мы иногда вынуждены априорно сужать проблематику исследований, изучая прежде всего те явления, которые, продолжая развиваться, находятся в непосредственной связи с традицией. При этом мы обращаем внимание на ценности, которые не выходят за рамки структуры традиционной культуры и не претерпевают существенных изменений. Причина такого априорного подхода заключается не только в противоречивой позиции новых ценностей, но, главное, в размерах и интенсивности факторов, которые определили их появление. Эти факторы активностью и многогранностью своего влияния на быт и культуру широких слоев народа привлекают внимание исследователя к второстепенным и непринципиальным с точки зрения изучения народной культуры вопросам, прежде всего к описанию

¹⁸ Большое количество данных в этом отношении дают советские исследования не только прошлого (напр., О. Н. Трубачев в монографии «Ремесленная терминология в славянских языках. Этимология и опыт групповой реконструкции», М., 1966, проследживает языковые и культурные связи славян с другими общностями), но и современности, посвященные в основном этническим процессам, культурной адаптации и т. д. (См.: Н. Г. Волкова, Изменения в этническом составе сельского населения Северного Кавказа за годы Советской власти, «Сов. этнография», 1966, № 1; Л. Н. Чижикова, Об этнических процессах в восточных районах Украины по материалам экспедиционного обследования 1966 г., «Сов. этнография», 1968, № 1; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, «Сов. этнография», 1965, № 5; В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых общностей, «Сов. этнография», 1967, № 6; З. Ясевич, Исследования социальной и культурной интеграции на западных и северных польских землях, «Сов. этнография», 1967, № 6, и др.).

развития самих этих факторов или характеристики их внешних проявлений. Этнографу в конце концов не хватает времени на исследование самих явлений культуры, вызванных этими факторами. В этом одна из причин того, что за последнее время нередко наблюдается слияние этнографической науки с некоторыми родственными ей общественным и иными дисциплинами (например, экономикой и технологией сельскохозяйственного производства, историей развития промышленных центров и областей, историей рабочего движения, прикладной социологией, демографией и т. д.).

Это происходит также и потому, что при выяснении теоретических вопросов современного процесса изменений и попытках расширения объекта своего исследования этнографическая наука шла вначале путем описания внешних или внутренних факторов¹⁹, но не путем изучения внутренних закономерностей развития народной культуры и ее структуры. Этнографическая наука нередко теряла свой профиль и, пытаясь объяснить изменения и уловить состояние народной культуры в определенный момент, использовала методы родственных ей дисциплин. Поэтому главными проблемами сейчас продолжают оставаться постановка и решение теоретических вопросов этнографического изучения, а также выработка собственного подхода, который отличал бы этнографическую науку от других научных дисциплин²⁰.

Иными словами, необходимо выбрать прежде всего проблематику внутреннего развития структуры народной культуры, проблематику развития элементов формы, содержания и функции отдельных явлений, их составных частей, а внешние факторы рассматривать только как стимулы движения.

* * *

В этой связи нужно еще упомянуть, что естественность или кажущаяся чужеродность некоторых ценностей формы, содержания и функции явлений, так же как их первоначально противоречивая позиция по отношению к структуре существующей культуры, еще сами по себе не могут быть доказательством того, что указанные ценности входят или не входят в рамки изучаемой структуры в рассматриваемый нами период.

Из истории народной культуры хорошо известны случаи, когда элементы, чужеродные для существующей культуры в данный период, становятся со временем органической частью структуры народной культуры данной общности (или нескольких общностей). В этом отношении характерен пример усвоения высокогорного пастушества и молочного хозяйства украинским, польским и словацким народами в процессе «валашской колонизации».

На современной стадии развития рассматриваемого нами процесса изменений в области быта и культуры трудно еще подробно и точно определить те ценности формы, содержания и функции явлений, которые станут органической частью новой структуры. Несмотря на то, что развитие идет путем выравнивания социального и культурного уровня городского и сельского населения, думается, однако, что принципиальный характер их труда (например, сезонность сельскохозяйственного производства в отличие от непрерывного промышленного производства) и разные природные и общественные условия, условия жизни в больших городах и в деревне и т. д. будут и в дальнейшем влиять на формирование различий в культуре отдельных локальных групп и социальных слоев населения, способствуя сохранению местных или областных форм культуры.

¹⁹ См. А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 14; Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Указ. раб., стр. 16; С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения..., стр. 139, 140, и т. д.

²⁰ С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения..., стр. 135, 141.

Поэтому одной из наших задач помимо изучения социальной и культурной адаптации и интеграции является также и изучение закономерностей распространения городских форм жизни и их влияния на этническую специфику культуры данной общности²¹.

Изучение современного состояния народной культуры требует также выяснения вопроса о том, почему индустриализация и коллективизация как внешние факторы именно в современный период так радикально влияют на быт и культуру широких народных масс и почему именно эти факторы (наряду со средствами массовой информации) имеют в этом отношении первостепенное значение.

Влияние промышленности — это вовсе не новый фактор. В некоторых странах Западной Европы влияние промышленного развития на народную культуру начало проявляться уже в XVI—XVII вв., в то время как в странах Центральной и Восточной Европы оно проявилось в основном в XIX в., да и то неодинаково²². Основной причиной этого было не только слабое развитие промышленности, но и слабая концентрация населения в промышленных центрах. Развитие промышленности в то время редко влекло за собой миграцию населения в большом масштабе, а именно последняя является одним из условий широкого влияния промышленности на быт и культуру народа. Процент населения, зависевшего от наемного труда на предприятии, был так низок, а связь всего населения с сельским хозяйством так сильна, что промышленность могла лишь в слабой степени способствовать активизации намечающихся изменений в быту и распространению их на все стороны народной культуры²³.

Определенную роль в этом отношении играло и то, что промышленная революция произошла не во всех отраслях хозяйства одновременно. В развитии промышленности при капитализме нередко были периоды депрессии, кризисов, демонтажирования оборудования предприятий и увольнения основных кадров рабочих²⁴.

Приведенные выше причины способствовали тому, что влияние промышленности на структуру традиционной народной культуры в прошлом часто было слабым и проявлялось скорее в быту и культуре небольшой части населения, прежде всего рабочего класса. В быту и культуре крестьянства влияние это сказывалось только в некоторых менее важных областях (т. е. не в занятиях и труде, которые в качестве внутренних факторов в дальнейшем влияли бы на отдельные области народной культуры, а например, в одежде; да и здесь, хотя в село проникали фабричные ткани, покроем крестьянской одежды оставался прежним)²⁵.

Одной из причин сравнительно слабого влияния этого очень важного фактора на народную культуру наших стран в период капитализма мы считаем также отсталость сельскохозяйственного производства.

Главное не только в том, что до недавнего времени в большинстве социалистических стран истинно народной культурой считалась культура сельского, прежде всего крестьянского населения как наиболее многочисленной социальной группы²⁶, но и в том, что сельскохозяйственное производство в этих странах долгое время было преимущественно полунатуральным. В большинстве случаев даже в период расцвета капита-

²¹ Там же, стр. 137.

²² Литературу по данному вопросу см. в кн. «Bibliografie k problematice průmyslových oblastí», Opava — Katowice, 1966.

²³ A. P r a n d a, Príčiny vzniku a rozvoja doplnkových zamestnání na Kysuciách, «Slovenský národopis», XIV, 1966, s. 9.

²⁴ Такие меры практиковались в период экономических кризисов во всех буржуазных странах. В отношении Словакии об этом см.: M. S t r h a n, Kríza priemyslu na Slovensku v rokoch 1921—23, Bratislava, 1960.

²⁵ См.: V. N o s á l o v a, Niekoľko poznámok k výskumu slovenského ľudového oděvu v súčasnosti, «Slovenský národopis», 12, 1964, s. 2 67—274; E. H o l é c z v o v á, Výšivka v oblasti Trnavy, Bratislava, 1968.

²⁶ K. F o j t í k, Etnografie a sociologie, «Národopisné aktuality», 1965, N 3—4. s. 3.

лизма, в отличие от более или менее типичной ситуации в странах Западной Европы, сельское хозяйство восточноевропейских стран не вышло в своей основе за рамки мелкого производства. Рабочие руки использовали прежде всего в полунатуральном хозяйстве. Поэтому не удивительно, что быт и труд большинства крестьян почти не менялся в своей основе вплоть до начала коллективизации.

В сельскохозяйственном производстве мелких крестьян и середняков как наиболее многочисленной части населения почти не использовалась передовая техника и основные элементы промышленной организации труда (механизация, электрификация, химизация и т. п.)²⁷. А так как характер производственной деятельности крестьян в основе своей почти не менялся, то не изменялся и их быт. Народная культура сохраняла свои классические формы в почти неизменной структуре вплоть до последнего времени.

Сельскохозяйственное производство в странах Центральной и Восточной Европы стало меняться только в современный период: в одних случаях уже после первой мировой войны, в других — после второй мировой войны. Особенно быстрые изменения происходили в условиях социалистической коллективизации, когда в сельское хозяйство стали постепенно проникать элементы крупного промышленного производства. Понятно, что нужно было прежде всего создать определенные предпосылки материального, политического и просветительного характера для того, чтобы промышленность могла быстро внедряться в земледельческое производство. Основным условием преодоления полунатурального характера сельскохозяйственного производства было объединение участков земли, раздробленной до периода коллективизации в каждой деревне на тысячи мелких парцелл²⁸. Этот процесс в большинстве социалистических стран (кроме СССР, где коллективизация сельского хозяйства была проведена уже в период между двумя мировыми войнами²⁹) проходит в основном лишь в 1950—1960-х годах, т. е. в период, который мы обозначаем термином «современность».

Для понимания динамики современного процесса изменений в народной культуре нужно иметь в виду, что в последние годы в социалистических странах идут одновременно два важных процесса социально-бытового характера. С одной стороны, осуществляется индустриализация, с другой — коллективизация сельскохозяйственного производства. Эти процессы в значительной мере дополняют друг друга³⁰. Индустриализация создает предпосылки для перехода излишков свободной рабочей силы из раздробленных мелких крестьянских хозяйств на промышленные предприятия. Постепенная коллективизация продолжает освобождать рабочую силу, скрытую в нерентабельном сельском хозяйстве, и ориентирует ее на промышленность. Таким образом, индустриализация страны вместе с социалистической коллективизацией

²⁷ A. Pranda, K otázke vzniku oblastí ľudovej kultúry na Slovensku, «Slovenský národopis», XIV, 1966, s. 536—537.

²⁸ В Словакии имелись посежки, в которых земля была крайне раздроблена (например, в Зборове над Быстрицей, район Чадца; 325 га пахотной земли еще в 1963 г. были разделены на 12605 парцелл и т. д.), что не давало возможности обрабатывать ее плугом. См. A. Pranda, Príčiny vzniku a rozvoja doľníckových zemešťnaní na Kysuciách, «Slovenský národopis», XIII, 1965, s. 457. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других странах.

²⁹ Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964, стр. 4; «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни», М., 1958; «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», М., 1967, стр. 26, 67—69; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967, стр. 65—81, и т. д.

³⁰ В. Ю. Крупянская, Некоторые проблемы этнографического изучения рабочих. На основе русского материала, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXIX, 1958, стр. 5; F. B a d e, Der Weltlauf zum Jahre 2000, Oldenburg-Hamburg, 1963.

обусловили большие передвижения в рабочей силе, большие миграции населения. Перемещение населения от земледелия на промышленные предприятия, в города и рабочие поселки изменяет не только основное занятие большинства населения деревни³¹, но и весь его быт. Таким образом, новые занятия, новая среда и новые характер и условия работы стали постепенно изменять быт и вносить в структуру народной культуры столько новых ценностей формы, содержания и функций явлений, что число их в конечном результате привело к радикальным изменениям, носящим характер нового качества.

Главной чертой этого периода является перемена основного занятия и места работы большинством населения деревни и связанная с этим миграция. Если еще двадцать лет назад земледелие в своей старой традиционной форме мелкого производства определяло основные черты быта и культуры населения ряда стран, то теперь они определяются не столько внедрением промышленных форм в сельское хозяйство, сколько работой значительной части населения на промышленных предприятиях. Внешним проявлением этого процесса является прежде всего резкое уменьшение числа крестьян-единоличников, определенный процент которых (все же достаточный для того, чтобы его учитывали при изучении традиционной народной культуры) сохранился только в некоторых, прежде всего горных областях отдельных социалистических стран³², как следствие недостаточного развития промышленности и некоторой консервативности крестьян, неохотно меняющих формы своих занятий³³. В то же время резко увеличилось число промышленных рабочих, жителей промышленных городов и областей, а также работников сферы обслуживания, просвещения, здравоохранения и т. д.

Изменения в главных занятиях большинства трудоспособного населения постепенно стали проявляться во всех областях его культуры³⁴. Индустриализация и коллективизация вызвали такой радикальный процесс изменений в быту и культуре народа, которому не было равного в прошлом. Однако из опыта прошлого развития народной культуры мы знаем, что на формирование окончательной структуры культуры оказывают влияние различные факторы. То же самое имеет место и сейчас. Радикальные изменения, которые происходят в настоящее время в социалистических странах, вызваны не только индустриализацией и коллективизацией сельскохозяйственного производства и непосредствен-

³¹ См. В. Ю. Крупянская, Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Строительство коммунизма и преобразование быта, в сб. «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений», М., 1966, стр. 313.

³² A. P r a n d a, K problematike výskumu dvojitého zamestnania. «Slovenský národopis», XV, 1967, s. 10—12.

³³ A. P r a n d a, K otázke vzniku oblasti..., s. 553—554.

³⁴ Д. М. Коган, Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города, «Сов. этнография», 1967, № 4; А. Я. Панян, Новый быт колхозников села Мрчаван Арташатского района АрмССР, «Сов. этнография», 1967, № 2; Е. Я. Селитренник, Некоторые вопросы колхозного строительства в Чукотском национальном округе, «Сов. этнография», 1965, № 1; В. А. Липинская, Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края, «Сов. этнография», 1968, № 2; Г. С. Маслова, Изменение традиционного рязанского народного костюма за годы Советской власти. По материалам Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1966, № 5; А. Т. Бекмуратов, Изменения в быту и семейных взаимоотношениях каракалпаков за годы Советской власти, «Сов. этнография», 1966, № 3; А. А. Лутс, Об опыте изучения современной сельской жизни в Выруском районе ЭстССР, «Сов. этнография», 1965, № 4; Я. Р. Винникова, Новое в семейном быту колхозников Туркменистана, «Сов. этнография», 1967, № 6; Л. М. Сабурова, Некоторые черты общественного и семейного быта русского населения Приангарья в первые годы Советской власти (1919—1929 гг.), «Сов. этнография», 1965, № 2; Н. П. Лобачева, О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана, «Сов. этнография», 1967, № 2; С. С. Агаширинова, Г. А. Сергеева, К вопросу о формировании новых праздников и обрядов народов Дагестана, «Сов. этнография», 1966, № 4. Столь же богатую литературу можно было бы привести и по другим социалистическим странам.

но связанными с ними обстоятельствами (миграцией, переселением в города, урбанизацией страны, стиранием различий между городом и деревней и т. д.), но и такими факторами, как например, средства массовой информации (печать, радио, кино, телевидение и т. д.)³⁵, борьба против вредных пережитков в народной культуре, связанных с религией³⁶, новые юридические нормы и отношения (изменения в пользовании землей как средством производства, новое понимание частной и личной собственности и т. д.). Влияние всех этих факторов на народную культуру до сих пор изучается с позиций этнографической науки только в отдельных случаях и далеко не в достаточной мере, несмотря на большое значение этих факторов для понимания возникающей новой культуры.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. С точки зрения истории развития, современное состояние народной культуры является новейшей стадией естественного и непрерывного процесса ее изменений. Из этого следует, что позиции некоторых исследователей, изучающих лишь старые формы развития культуры, не могут быть оправданы. Объектом этнографического изучения должен стать и современный процесс развития новых форм содержания и функции явлений.

2. С точки зрения закономерностей развития, в современности действуют обе тенденции, прослеживающиеся на всем протяжении развития культуры: тенденция перенимать и усваивать культурные ценности предшествующих поколений и тенденция изменять эти ценности и приспособлять их к изменившимся условиям быта народа. В настоящее время в социалистических странах получила преобладание вторая тенденция, так как в процессе изменений, который идет сейчас во всем мире социализма, благодаря многим новым социальным факторам радикально меняется как быт широких слоев народа, так и их культура.

3. Что касается факторов развития, которые направляют отмеченный выше процесс, то можно говорить о комплексе внешних и внутренних причин экономического, социально-бытового, культурного и просветительского характера. Эти факторы вторгаются в быт прежде всего в области основных занятий населения. В структуру народной культуры эти факторы попадают путем возникновения и расширения новых ценностей формы, содержания и функций явлений во всех отраслях материальной, духовной и социальной культуры. Не остается незатронутым ни одно из явлений традиционной культуры. Именно период последних двадцати лет ознаменовался радикальной перестройкой отдельных элементов структуры в их различных функциональных взаимосвязях.

Различие между изучением народной культуры прошлого и современного периодов состоит прежде всего в том, что если при исследовании предшествующих стадий мы оцениваем структурные явления в их законченной форме, содержании и функциях и в определенных структурных связях, то при исследовании современности мы можем применять такие оценки лишь в ограниченной мере. Это объясняется главным образом незавершенностью происходящего процесса. Поэтому при исследовании современности качественная оценка структуры культуры не-

³⁵ B. Fülgraff, *Fernsehen und Familie. Die Rolle des Fernsehens im Prozess der strukturellen Wandels der Familie*, Freiburg, 1965; L. Löwenthal, *Literatur und Gesellschaft. Das Buch in der Massenkultur*, Neuwied-Rein, 1964.

³⁶ Л. Н. Терентьева, Распространение атеистического мировоззрения и безрелигиозных форм быта среди колхозников-латышей. По материалам Якабрильского района ЛатССР, в сб. «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР», М., 1966, стр. 53—78; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Религиозно-бытовые пережитки колхозного крестьянства и пути их преодоления. По материалам Калининской, Костромской и Ярославской областей, там же, стр. 115—128; J. Matther, *Die Emigration der Kirche aus der Gesellschaft*, Hamburg, 1964; J. J. Wiatr, *Ideologia i życie społeczne*, Warszawa, 1965.

возможна без тесной связи ее с оценкой количественной, которая объективно отражает динамику и состояние процесса и которая дает основу для научных выводов.

Понятно, что это основное различие в изучении прошлого и современности сказывается не только в области теории, но и в области методики исследования народной культуры. Однако проблематика конкретных методов этнографического исследования современного процесса изменений культуры настолько сложна, что требует специального рассмотрения.

SUMMARY

Some general regularities of the evolution of modern folk culture are examined. This process is exceedingly complex and contradictory, it is difficult to define it briefly and exactly. The author's object is to trace the trends of the various components in the structure of folk culture and to examine them in the light of the struggle between opposite tendencies — that of tradition, characterized by a continuity of cultural values, and that of modernisation expressed by a ceaseless renovation of the elements of cultural phenomena — their form, contents and functions.

The author reaches the conclusion that the main difference between studying the past and the present lies not only in theory but in methods of investigating folk culture.
